

Научная статья
УДК 343.8:340.5
doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.007

Сравнительно-правовой анализ общих положений уголовно-исполнительных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Реферат

Введение: в статье показан значительный научный интерес к общим положениям уголовно-исполнительных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации, которые содержат основополагающие и целеполагающие правовые установки, задающие идейно-нормативный тон для реализации всего комплекса уголовно-исполнительных мер и средств. *Цель:* определить схожие и отличительные признаки общих положений уголовно-исполнительного законодательства союзных республик и на этой основе выявить такие нормативные установки, которые могут представлять интерес для совершенствования отечественных нормативных основ в области исполнения мер уголовно-правового характера. Методы: методология исследования преимущественно охватывает анализ и синтез социально-правовых явлений, обобщение и конкретизацию, формально-логический и системно-структурный анализ правовой доктрины, герменевтическое исследование правовых норм, а также компаративистский метод. *Результаты:* установлено, что по своим базовым характеристикам уголовно-исполнительные кодексы Республики Беларусь и Российской Федерации обладают почти полной структурной тождественностью. Первый из них конкретнее очерчивает границы предмета правового регулирования и шире компетенцию государственных органов в уголовно-исполнительной сфере, детальнее соотносит уголовно-исполнительное законодательство и международно-правовые акты. Однако российский законодатель, в отличие от белорусского, предусмотрел норму о действии уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в отношении осужденных военнослужащих и закрытый перечень средств исправления. С незначительными расхождениями практически идентичны задачи и принципы уголовно-исполнительного законодательства, основания исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности (уголовно-правового характера). *Выводы:* белорусский законодатель подчеркивает важность нормативной структуры уголовно-исполнительного права, тогда как российский – ее целевое назначение. Отечественному законодателю важно осуществлять более глубокое «вкрапление» юридических гарантий правового статуса осужденных в общие положения уголовно-исполнительного законодательства, а также принимать иные решения по оптимизации его концептуальных позиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : белорусская уголовная политика; кодифицированный акт; наказание; пенитенциарное законодательство; принудительные меры.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тепляшин П. В. Сравнительно-правовой анализ общих положений уголовно-исполнительных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 285–292. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.007.

Comparative Legal Analysis of General Provisions of Penal Codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation

PAVEL V. TEPLYASHIN

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Abstract

Introduction: the article shows a significant scientific interest in general provisions of penal codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which contain fundamental and goal-setting legal guidelines that set the ideological and normative tone for the implementation of the entire complex of penal enforcement measures and means. *Purpose:* to determine similar and distinguishing features of general provisions of Belorussian penal legislation and, on this basis, to identify such regulatory guidelines that may be of interest for improving the domestic regulatory framework in the field of implementing criminal law measures. *Methods:* the research methodology mainly covers the analysis and synthesis of socio-legal phenomena, generalization and concretization, formal-logical and systemic-structural analysis of legal doctrine, hermeneutic study of legal norms, as well as the comparative method. *Results:* it is established that, according to their basic characteristics, penal codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation have almost complete structural identity. The first one outlines boundaries of the subject of legal regulation and the competence of state bodies in the penal enforcement sphere, as well as correlates penal legislation and international legal acts in more detail. However, Russian legislation, unlike the Belarusian one, provides for a norm on the operation of penal legislation of the Russian Federation in relation to convicted military personnel and a closed list of corrective measures. With minor differences, the tasks and principles of penal legislation, the grounds for the execution of punishments and other criminal law measures are almost identical. *Conclusions:* the Belarusian legislator emphasizes the importance of the normative structure of penal law, whereas the Russian one underlines its intended purpose. It is important for the Russian legislator to deeper "embed" legal guarantees of the legal status of convicts in general provisions of penal legislation, as well as to make other decisions to optimize its conceptual positions.

Keywords: Belarusian criminal policy; codified act; punishment; penitentiary legislation; coercive measures.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Teplyashin P.V. Comparative legal analysis of general provisions of penal codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 3 (71), pp. 285–292. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.007.

Введение

Зарубежные социально-правовые реалии в области пенитенциарных отношений уже давно являются предметом пристального внимания со стороны ученых, не просто проявляющих исследовательское любопытство, но осуществляющих конструктивный анализ юридической природы, социально-правовой сущности и фактических предпосылок явлений и процессов, протекающих в различных областях мировой пенитенциарной действительности. Соответственно, проведение сравнительно-правовых пенитенциарных исследований выступает не только средством расширения теоретического потенциала науки уголовно-исполнительного права и образовательного кругозора, но и инструментом оптимизации законотворческих и правоприменительных механизмов исполнения и отбывания уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера. Более того, результаты таких исследований обеспечивают формирование более чувствительных

к воздействию внешних факторов концептуальных установок и стратегических направлений развития уголовно-исполнительной системы. Неслучайно в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. закреплено установление (разд. XXI), согласно которому исследование и практическое воплощение опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему России выступает одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. Данный ориентир свидетельствует о практической значимости компаративистских исследований в области изучения зарубежной наказательной теории и практики.

Научным притяжением обладает пенитенциарный опыт как дальних, так и ближних государств. Он характеризуется, с одной стороны, достаточно нестандартными для отечественного исследователя характеристиками, заставляющими воспринимать

его неоднозначно и «пропускать» сквозь череду глубоких и разносторонних научных изысканий, с другой – весьма однородными показателями, но требующими более приближенного к отечественной правовой системе и информативного компаративистского исследования. В этом методологическом разрезе следует обратить внимание на пенитенциарное законодательство государств – участников Содружества Независимых Государств, в частности Республики Беларусь, которая имеет во многом общее историческое прошлое, взаимовыгодные солидарные тренды социально-экономического и геополитического развития. Также нельзя не заметить, что данные страны являются, членами Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза.

Республику Беларусь и Российскую Федерацию роднят подходы к формированию и реализации юридической архитектуры правового воздействия на общественные отношения, стремление к совместной оптимизации усилий по противодействию преступности, скрипты законотворческого и правоприменительного механизма исполнения уголовных наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера и обращения с осужденными. Так, ст. 9 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью, подписанного в Бресте 15 сентября 2014 г., закрепляет положение, согласно которому стороны будут стремиться к развитию и гармонизации своего национального законодательства в области борьбы с преступностью. Такое «развитие и гармонизация», а также дальнейшее формирование так называемого модельного законодательства невозможны без научного анализа законодательства союзных государств, в том числе в сфере регулирования уголовно-исполнительных отношений. Более того, уголовное законодательство союзных государств содержит во многом схожие понятия наказания, их системы, почти идентичными являются подходы к их назначению.

В этой связи сложно не согласиться с мнением Н. Н. Кутакова и Д. Г. Метлина, которые справедливо отмечают, что «серьезного внимания заслуживает организованная в сфере исполнения уголовных наказаний политика Республики Беларусь, прежде всего ввиду общего правового поля, длительное время действовавшего на территории СССР, а также в целях развития межгосударственных отношений в условиях Союзного государства – Союза Беларуси и России. Близость уголовно-исполнительного законодательства двух государств, главным образом, проявляется в постановке общей цели применения уголовного наказания в виде лишения свободы, которой является исправление осужденных и их возвращение в социум, обычные условия жизни в обществе» [1, с. 350]. В свою очередь А. Л. Агабекян позитивно отмечает, что во многих государствах постсоветского пространства, включая и Республику Беларусь, происходит формирование целостной уголовно-исполнительной системы [2, с. 146]. Пред-

ставленные суждения указывают на существенные пересечения в области пенитенциарной действительности союзных государств.

Можно отметить своеобразную турбулентность научных исследований в области обсуждения перспектив дальнейшего развития уголовно-исполнительных систем союзных государств и, следовательно, принятия концептуальных решений стратегического планирования и соответствующих правовых актов. Так, достаточно непростыми являются концептуальные решения, заложенные в такие документы, как, например, указы Президента Республики Беларусь от 28.05.2014 № 242 «О совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел» и от 09.09.2022 № 319 «Об оптимизации уголовно-исполнительной системы», Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. Нормативные установки такого развития закладываются в нормах-целях, нормах-принципах и базовых нормах-дефинициях уголовно-исполнительного законодательства. Следовательно, значительный научный интерес представляют именно общие положения уголовно-исполнительных кодексов Республики Беларусь и Российской Федерации, которые содержат основополагающие, целеполагающие и принципиальные правовые установки, задающие идейно-нормативный тон для реализации всего комплекса уголовно-исполнительных мер и средств.

Обнаружение на этой основе сравнительно-правовых отличий позволяет выявить резервы дальнейшей оптимизации нормативно-правых и научно-теоретических основ исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности (уголовно-правового характера).

Результаты

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (УИК РБ) является кодифицированным правовым актом, вступившим в действие 11 января 2000 г. Данный акт принят в целях воздействия на общественные отношения, появляющиеся и функционирующие в силу исполнения и отбывания уголовных наказаний, предусмотренных ст. 48 УК РБ, исполнения иных мер уголовной ответственности. Исходя из своих фундаментальных характеристик УИК РБ и УИК РФ обладают близким структурным содержанием. Так, каждый кодифицированный акт делится на две части (Общую и Особенную), что отражает традиционный подход в романо-германской системе права к структуре кодифицированного правового акта. Данные части охватывают 11 и 8 разделов, 27 и 24 глав соответственно. Причем первые главы носят идентичное наименование – «Общие положения», но состоят из различного количества статей – 7 и 9 соответственно. Правовые положения, закрепленные в данных статьях, предусматривают формально-юридическую базу реализации соответствующего уголовно-исполнительного законодательства, его общую структуру и содержание, место в общей нормативной иерархии, закрепляют основания, цели, задачи и идейные начала исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности (уголовно-правового харак-

тера), содержат понятие исправления и раскрывают средства исправления.

В отличие от российского, общие положения белорусского уголовно-исполнительного законодательства начинаются с положения о том, что оно состоит из УИК РБ и иных актов законодательства, определяющих порядок и условия исполнения и отбывания наказания, а равно применения иных мер уголовной ответственности. Подобное положение содержится в ч. 1 ст. 2 УИК РФ. В ч. 1 ст. 1 кодекса закрепляются цели уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Здесь же важно заметить, что, согласно ч. 1 ст. 2 УИК РБ, такие же точно цели уголовно-исполнительного законодательства соответствуют целям уголовной ответственности, которые зафиксированы в ч. 2 ст. 44 УК РБ. В этой связи следует обратить внимание на первостепенность категории «уголовная ответственность» в парадигме нормативных и научных основ белорусского законодательства об исполнении наказаний. Так, следующая мысль А. А. Тита доказывает этот тезис: «уголовно-исполнительная политика, являясь неотъемлемым элементом борьбы с преступностью, требует от законодателя и научного сообщества Республики Беларусь выработки эффективных основ реализации уголовной ответственности» [3, с. 66].

Данный подход белорусского законодателя высвечивает более ясное восприятие пределов правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Кроме того, в ч. 2 ст. 2 УИК РБ в более полном объеме, нежели чем в схожей с ней ч. 2 ст. 2 УИК РФ, закрепляется положение, в соответствии с которым данный кодифицированный акт устанавливает общие положения и принципы исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности, предусмотренных уголовным законом Республики Беларусь. Также это положение закрепляет порядок и условия исполнения и отбывания указанных мер уголовно-правового воздействия, а также применения в отношении осужденных средств исправительного и профилактического воздействия, правовое положение осужденных и систему гарантий защиты их прав и законных интересов, порядок деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности, а равно участия государственных органов, иных организаций, общественных объединений и граждан в исправлении осужденных, порядок освобождения от наказания и оказания помощи освобожденным в социальной адаптации. Данная основополагающая установка, во-первых, очерчивает границы предмета правового регулирования, во-вторых, задает последовательность фиксации соответствующих разделов уголовно-исполнительного закона.

На этом фоне обнаруживаются соответствующие пертурбации в российском исследовательском поле относительно некоторых субинститутов, которые научная общественность далеко не всегда относит к уголовно-исполнительному законодательству. В частности, юридическая природа probation выступает

объектом исследований, в которых она определяется неоднозначно [4–6].

С небольшим герменевтическим расхождением приводятся задачи уголовно-исполнительного законодательства: если в ч. 1 ст. 2 УИК РБ указывается на регулирование исполнения и отбывания осужденными наказания и иных мер уголовной ответственности, определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации, защиту прав и законных интересов осужденных, то в ч. 2 ст. 1 УИК РФ, кроме подобных задач, оказание осужденным помощи в социальной адаптации немного обособлено и несколько иначе сформулировано. Представляется, что данная (четвертая по счету) задача явилась методологическим стимулом для принятия Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации».

Вызывает возражение отсутствие в сформулированной белорусским законодателем охранительной задаче предмета охраны, как свободы, который зафиксирован в российском варианте («охрана их [осужденных] прав, свобод и законных интересов»). Как видится, это не совсем логичное решение, поскольку, например, в ст. 12 УИК РБ закрепляется обеспечение свободы вероисповедания осужденных, что указывает на необходимость постановки задачи о закреплении в охранительной задаче также данного элемента правового статуса осужденных.

Обращает на себя внимание также более полное, нежели чем в ст. 4 УИК РФ, закрепление белорусским законодателем компетенции государственных органов в уголовно-исполнительной сфере. Так, ч. 3 ст. 2 УИК РБ фиксирует следующее положение: «Совет Министров Республики Беларусь, республиканские органы государственного управления в пределах своей компетенции вправе принимать основанные на законе нормативные правовые акты по вопросам исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности. Этими нормативными правовыми актами не могут устанавливаться ограничения для осужденных, если таковые не предусмотрены законом». На этом фоне схожее положение, закрепленное в ст. 4 УИК РФ «Нормативные правовые акты по вопросам исполнения наказаний», носит более скромное содержание: федеральные органы исполнительной власти вправе принимать основанные на федеральном законе нормативные правовые акты по вопросам исполнения наказаний. Ведь оно не содержит отсылки к идее недопустимости попирания прав осужденных.

Достаточно схожими являются положения, закрепленные в ст. 3 УИК РБ и ст. 3 УИК РФ, касающиеся соотношения уголовно-исполнительного законодательства и международно-правовых актов. В частности, идентично положение о том, что если международным договором установлены иные правила исполнения наказания и обращения с осужденными, чем те, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством, то применяются непосредственно правила международного договора. Однако белорусский законодатель предусмотрительно уточнил, что даже при такой коллизии национальные

правила применяются в случае, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутригосударственного акта. Данные хитрости юридической техники заслуживают положительной оценки, поскольку они минимизируют ситуацию «связывания рук» правоприменителя при реализации национальных интересов в уголовно-исполнительной сфере.

С несколько иной текстуальной интерпретацией, но с идентичным смыслом изложены нормы относительно действия уголовно-исполнительного законодательства в пространстве и времени (ст. 4 УИК РБ и ст. 6 УИК РФ). Вместе с тем российский законодатель предусмотрел ст. 5 УИК РФ «Действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в отношении осужденных военнослужащих», тогда как аналог такой нормы в УИК РБ не обнаружен. Это можно объяснить желанием российского законодателя посредством основополагающих установок подчеркнуть особый правовой статус осужденных военнослужащих и фактически заложить гарантии соблюдения их прав, свободы и законных интересов, а также основы порядка отбывания ими уголовных наказаний.

Основания исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности (уголовно-правового характера) фактически идентично закреплены в ч. 1 ст. 5 УИК РБ и ст. 7 УИК РФ – приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии.

Такие краеугольные единицы общих положений уголовно-исполнительного законодательства, как принципы, практически тождественны. В этой части союзное уголовно-исполнительное законодательство базируется на таком варианте закрепления принципов, как их перечисление, но не содержательное раскрытие в каждой обособленной уголовно-исполнительной норме. Допустимо подвергнуть критике такую модель закрепления принципов. Ведь их раскрытие в нормативном кодифицированном акте позволило бы лучше обозначить идейную направленность всего пенитенциарного (данная категория рассматривается в широком смысле слова) законодательства, улучшить понимание конкретных составляющих основополагающих начал в процессе исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности (уголовно-правового характера). В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Терещенко и О. В. Володькина о том, что «без определения понятия и сущности принципов уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительного законодательства эффективное реформирование уголовно-исполнительной системы невозможно, поскольку принципы как основные идеи определяют направления развития законодательства, позволяют глубже уяснить цели и задачи, поставленные перед уголовно-исполнительной системой, существо средств их достижения» [7, с. 69].

Если сопоставить принципы уголовно-исполнительного законодательства, то нельзя не выявить некоторые несущественные отличия. Так, ст. 6 УИК РБ

содержит такую концептуальную идею, как сочетание принудительных мер с воспитательным воздействием, тогда как схожая идея, предусмотренная ст. 8 УИК РФ, закрепляет основополагающую установку о соединении наказания с исправительным воздействием. Думается, что не столько принудительные меры, сколько уголовные наказания ассоциируются с полным объемом принудительного воздействия на личность осужденного. Более того, термин «принудительные меры» в белорусском уголовно-исполнительном законодательстве, во-первых, не раскрывается, что значительно осложняет понимание рассматриваемого принципа, во-вторых, связывается лишь с понятием «принудительные меры воспитательного характера», которое относится единственно к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних (в частности, ст. 117 УК РБ, ст. 185 УИК РБ). Также не совсем понятно, почему именно с воспитательным воздействием предлагается сочетать принудительные меры. Ведь меры некарательного (нерепрессивного) воздействия, которые и противопоставляются мерам принудительного характера, не сводятся только к воспитательному воздействию, но и объективно предполагают меры общественного, педагогического (образовательного) и иного типа. Следовательно, рассматриваемый принцип в содержательном смысле белорусский законодатель сформулировал достаточно узко.

Подходя к сопоставлению таких фундаментальных категорий, как исправление осужденных и основные средства исправления осужденных, следует заметить наличие в ч. 1 ст. 7 УИК РБ уточняющего предварительного положения о том, что «применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами». Данное положение фактически «перекочевало» из нормы, которая закрепляет задачи уголовно-исполнительного законодательства (ст. 2 УИК РБ), и его место в структуре первой главы кодекса указывает на желание белорусского законодателя подчеркнуть уместность и значимость раскрытия понятия и средств исправления осужденных. Хотя не совсем к месту фигурирование именно в ч. 1 ст. 7 УИК РБ и такой цели, как предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами, поскольку в рамках данной нормы уже более не обращается на нее внимание.

Изложенное в ч. 2 ст. 7 УИК РБ понятие «исправление осужденных» как «формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни» отражает формально-юридический подход к данному определению, тогда как в ч. 1 ст. 9 УИК РФ оно сформулировано с более нравственно-правовой позиции – формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Однако можно согласиться с А. А. Титом в том, что «понимание исправления как конечной цели наказания у законодателей стран-участниц Союзного государства происходит из одной смысловой ориентации» [8, с. 435].

Обращает внимание сформулированный белорусским законодателем расширительный список средств исправления осужденных, который, в соответствии с ч. 3 ст. 7 УИК РБ, кроме установленного порядка исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательной работы, общественно полезного труда, получения осужденными образования, общественного воздействия предусматривает возможность применения иных средств исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и другой деятельности. Это законотворческое решение, являясь своевременной новеллой, которая введена Законом Республики Беларусь от 08.01.2024 № 349-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», выступает не только частной правовой технологией, заслуживающей положительной оценки, но и закономерно гибким ответом на динамичность трансформации уголовно-исполнительных отношений. В связи с этим необходимо подчеркнуть Н. В. Кийко, справедливо считающего, что «в Республике Беларусь продолжается планомерная деятельность по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства и приведению его в соответствие с общепризнанными международными стандартами в области отправления правосудия, а также положительным отечественным и зарубежным опытом» [9, с. 172]. Следует подчеркнуть, что указанный известный белорусский исследователь уже на протяжении многих лет излагает данный тезис в своих научных работах [10, с. 464].

Предельно схожими выступают положения, закрепленные в ч. 4 ст. 7 УИК РБ и в ч. 3 ст. 9 УИК РФ, о том, что средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного, его поведения и стремления к приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодолению негативных черт личности. Однако белорусский законодатель пошел несколько дальше, включив в данную норму Законом от 08.01.2024 № 349-З установку о необходимости учета «поведения [осужденного] и стремления к приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодолению негативных черт личности». Это нововведение видится своевременным. Более того, именно такие уточнения обеспечивают преодоление сложных ситуаций и даже разрешения социально-правовых парадоксов (феноменов), которые возникают в правоприменительной практике (например, так называемый «community integration paradox» [11, с. 21; 12, с. 23–30] – «парадокс интеграции в общество» [13, с. 87–93; 14, с. 81–82]). На фоне принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» указанный подход белорусского законодателя представляет научный интерес для прогрессивного развития российского уголовно-исполнительного законодательства.

Выводы

Целесообразность компаративистского исследования уголовно-исполнительного законодательства

Республики Беларусь и Российской Федерации обусловлена общими культурно-ментальными подходами к формированию и реализации юридической архитектуры правового воздействия на общественные отношения, стремлением к совместной оптимизации усилий по противодействию преступности, едиными скриптами законотворческого и правоприменительного механизма исполнения уголовных наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера и ответственности, а также схожими инструментами обращения с осужденными.

Общие положения уголовно-исполнительного законодательства союзных государств начинаются с нескольких различных основополагающих установок: белорусское законодательство состоит из УИК РБ и иных актов, определяющих порядок и условия исполнения и отбывания наказания, а равно применения иных мер уголовной ответственности, тогда как подобное положение содержится только в ч. 1 ст. 2 УИК РФ. Такая последовательность демонстрирует желание белорусского законодателя подчеркнуть важность нормативного оформления и законодательной структуры соответствующей отрасли права, тогда как российского законодателя – ее целевое назначение.

Белорусский законодатель не посчитал необходимым закреплять положение, которое содержится в ч. 4 ст. 3 УИК РФ и предусматривает правило о том, что рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей. Обозначенная нормативная позиция белорусского законодателя свидетельствует об отсутствии у него желания находить формальные причины ретирования от реализации соответствующих рекомендаций (деклараций) международных организаций.

Обращает внимание положение, предусмотренное ч. 2 ст. 5 УИК РБ, о том, что органы и учреждения, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, не позднее десяти суток после получения распоряжения суда с копией либо выпиской из приговора (определения, постановления) извещают суд о принятии его к исполнению. Данное нормативное уточнение подчеркивает юридические гарантии правового положения осужденных и, к сожалению, не предусмотрено в УИК РФ. Думается, что допустимо в порядке *de lege ferenda* дополнить ст. 7 УИК РФ частью второй, изложив ее в следующей редакции: «Органы и учреждения, исполняющие наказание и применяющие иные меры уголовно-правового характера, не позднее десяти суток после получения приговора либо изменяющих его определения или постановления суда, а также акта помилования или акта об амнистии извещают суд о принятии его к исполнению».

Необходимо обратить внимание на сформулированный белорусским законодателем расширительный список средств исправления осужденных, который, в соответствии с ч. 3 ст. 7 УИК РБ, кроме

традиционно предусмотренных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ закрепляет возможность применения иных средств исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и другой деятельности. Данное законотворческое решение является не только частной правовой технологией, заслуживающей положительной оценки, но и очевидным ответом на динамичность трансформации уголовно-исполнительных отношений. Представляется возможным в порядке *de lege ferenda* внести дополнение в содержание ч. 2 ст. 9 УИК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспи-

тательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации могут применяться иные средства исправления осужденных».

Основные выводы показывают достаточно прогрессивные общие положения уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, что может и должно выступать объектом исследования со стороны специалистов в области пенитенциарной науки и тем самым послужить дополнительным мотивом для оптимизации концептуальных позиций уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кутаков Н. Н., Метлин Д. Г. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере организации и проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы (сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительных кодексов) // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 3. С. 348–356.
2. Агабекян А. Л. Особенности развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на постсоветском пространстве // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 143–147.
3. Тит А. А. Уголовно-исполнительная политика Республики Беларусь в эпоху метамодерна: социальная интеграция осужденных как элемент общественного согласия // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2024. С. 66–68.
4. Скиба А. П. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»: направления развития уголовного права // Союз криминалистов и кримиологов. 2024. № 1. С. 19–25.
5. Голодов П. В. Проблемы законодательного регулирования пробации в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 9–11.
6. Терещенко Е. Г. Проблемы и перспективы внедрения института пробации в Республике Беларусь // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников междунаrod. науч.-практ. конф., приуроч. к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 348–350.
7. Терещенко Т. Г., Володькин О. В. Характеристика принципов уголовно-исполнительного права Республики Беларусь // Развитие уголовного законодательства России на рубеже веков: проблемы теории и практики : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Уголовного кодекса России. Псков, 2016. С. 69–70.
8. Тит А. А. Сравнительный анализ критериев исправления осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития : материалы междунаrod. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деят. науки РСФСР, док.-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова и Дню рос. науки. Рязань, 2022. С. 434–439.
9. Кийко Н. В. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: новеллы 2024 года // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников междунаrod. науч.-практ. конф., приуроч. к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 168–172.
10. Кийко Н. В. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12, № 4. С. 464–468.
11. Fowler A., Brown P., Bickley T. «Once a finger is pointed at you, that part of you has gone»: The completion of Horizon programme in the community and carceral citizenship for men with sexual convictions // Probation Journal. 2024. Vol. 71, no. 1. Pp. 6–25.
12. McNeill F. Four forms of «offender» rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective // Legal and Criminological Psychology. 2012. Vol. 17, no. 1. Pp. 18–36.
13. Калужина М. А. Институт пробации в зарубежных государствах в современном представлении // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 3. С. 85–95.
14. Саттаров В. Д. «Тюремный человек» как юридический феномен: теоретический анализ // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. № 1. С. 79–85.

REFERENCES

1. Kutakov N.N., Metlin D.G. The penal policy of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of organizing and conducting educational work with persons sentenced to imprisonment (comparative legal analysis of penal codes). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 348–356. (In Russ.).
2. Agabekyan A.L. Features of the development of criminal and penal legislation in the post-Soviet space. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*, 2023, no. 22, pp. 143–147.
3. Tit A.A. Penal enforcement policy of the Republic of Belarus in the era of metamodernity: social integration of convicts as an element of social harmony. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy XXIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Penal system today: interaction of science and practice: proceedings of the XXIV All-Russian research-to-practice conference]. Novokuznetsk, 2024. Pp. 66–68. (In Russ.).
4. Skiba A.P. Federal law “On probation in the Russian Federation”: directions for the development of criminal law. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminalists and Criminologists*, 2024, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).
5. Golodov P.V. Problems of legal regulation of probation in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2023, no. 7, pp. 9–11. (In Russ.).
6. Tereshchenko E.G. Problems and prospects of introducing the institute of probation in the Republic of Belarus. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiiskoi Federatsii: voprosy ispolneniya ugovolnykh nakazanii, realizatsii mer probatsii, vzaimodeistviya s publichnoi vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva: sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., priuroch. k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii* [Penal system of the Russian Federation: issues of execution of criminal penalties, implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of theses and reports of the participants of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan, 2024. Pp. 348–350. (In Russ.).
7. Tereshchenko T.G., Volod'kin O.V. Characteristics of the principles of penal enforcement law of the Republic of Belarus. In: *Razvitie ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii na rubezhe vekov: problemy teorii i praktiki: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 20-letiyu Ugolovnogo kodeksa Rossii* [Development of criminal legislation of Russia at the turn of the century: problems of theory and practice: proceedings of the interuniversity research-to-practice conference dedicated to 20th anniversary of the Criminal Code of Russia]. Pskov, 2016. Pp. 69–70. (In Russ.).
8. Tit A.A. Comparative analysis of criteria for the correction of convicts in penal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. In: *Organizatsionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. pamyati zasluzh. Deyat. nauki RSFSR, dok-ra yurid. nauk, prof. A. I. Zubkova i Dnyu ros. nauki* [Organizational and legal support for activities of the penal system: problems and prospects of development: proceedings of the international research-to-practice conference dedicated to the memory of Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science]. Ryazan, 2022. Pp. 434–439. (In Russ.).
9. Kiiko N.V. The Penal Code of the Republic of Belarus: novelties of 2024. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiiskoi Federatsii: voprosy ispolneniya ugovolnykh nakazanii, realizatsii mer probatsii, vzaimodeistviya s publichnoi vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva: sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., priuroch. k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii* [Penal system of the Russian Federation: issues of execution of criminal penalties, implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of theses and reports of the participants of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Ryazan, 2024. Pp. 168–172. (In Russ.).
10. Kiiko N.V. Improvement of the penal legislation of Republic of Belarus. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 464–468. (In Russ.).
11. Fowler A., Brown P., Bickley T. “Once a finger is pointed at you, that part of you has gone”: The completion of Horizon programme in the community and carceral citizenship for men with sexual convictions. *Probation Journal*, 2024, vol. 71, no. 1, pp. 6–25.
12. McNeill F. Four forms of “offender” rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective. *Legal and Criminological Psychology*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 18–36.
13. Kaluzhina M.A. The institute of probation in foreign countries in the modern view. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2023, no. 3, pp. 85–95. (In Russ.).
14. Sattarov V.D. “Prison man” as a legal phenomenon: theoretical analysis. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service*, 2025, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

PAVEL V. TEPLYASHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Статья поступила 26.06.2025